

Чжуан-цзы[1] когда-то увидел сон, в котором стал бабочкой — настолько явственный, что по пробуждении не сразу вспомнил, кто он есть.

Второй юноша Лю тоже видел сон. Он парил в небесах, купался в пустоте, воспарив над всем сущим.

На самом деле, спал он неглубоко, особенно днём. Даже с закрытыми глазами почти всегда слышал происходящее вокруг. Так почему же слуга не мог его разбудить? Главная причина была в том, что Второй юноша Лю попросту не хотел просыпаться. Мир в его сознании был слишком велик. Солнце и луна сияли красками, и он частенько нечаянно ступал в пустоту, потому не слышал зова слуги.

Повозка слегка подпрыгивала на ухабах. Лю Сяньань, не открывая глаз, снова сменил позу. Одежда его не была столь роскошна, как у Лян Шу. Раз уж он отправляется в путь, то хотел, что бы ему было максимально удобно. Просторный поношенный халат с расстёгнутым воротом на ком-то другом выглядел бы нелепо, но на нём казался естественным продолжением, придавая лёгкий оттенок бессмертного, парящего, словно облако над зелёными побегами бамбука.

Лян Шу сидел напротив. Его взгляд скользнул от бровей собеседника до крошечной родинки на выступе гортани. Он знал, что его вторая сестра обожала собирать красивые вещи. В усадьбе принцессы всё — от чашек, тарелок и палочек до служанок и стражников — было прекрасно, и даже в цветнике не росло ни одного сорняка. Раз уж она выбирала самое прекрасное в мире, нетрудно было понять, почему она рыдала и капризничала, настаивая на браке с этим спящим бессмертным.

Занавески преграждали свет, делая пространство внутри повозки ещё более замкнутым. Аромат сандалового дерева, исходивший от Лян Шу, поначалу был едва уловим, но постепенно становился гуще. Этот странный запах заставил парящего в грёзах Второго господина Лю слегка сморщить нос, смутно ощущая, что с сегодняшним сном что-то не так.

Его ресницы дрогнули, казалось, он вот-вот проснётся, но в этот момент колёса резко дёрнулись! Потеряв равновесие, Лю Сяньань полетел вперёд и с коротким вскриком открыл глаза! В критический момент Лян Шу развернул длинный меч и рукоятью оттолкнул оппонента назад, усадив на место.

Лю Сяньань ещё не очнулся. Неоконченные дикие грёзы затуманивали сознание, и он долго не мог прийти в себя. Сердце бешено колотилось, в голове звенело, но куда ужаснее было то, что, когда видения рассеялись, он обнаружил у своего горла меч.

Очень длинный меч с красно-чёрной рукоятью и потрёпанными ножами.

Подняв взгляд, он увидел человека, державшего меч.

Мерцающий свет в повозке делал сцену ещё более сюрреалистичной. Большая часть лица Лян

Шу тонула в тенях. Его зрачки были светлее, чем у обычных людей, словно у какого-то свирепого пустынного зверя, и, хотя он был облачён в роскошные одежды, Лю Сяньань всё же остро ощущал исходящую от него убийственную ауру. За долгие годы, она пропиталась полем боя, вобрав в себя жёсткие ветра и пески Северо-Запада, и была настолько кровавой, что никакой сандал не мог её заглушить.

— Ваша светлость...

Лю Сяньань отвел взгляд и уже собирался встать, чтобы поклониться, но повозка вновь дёрнулась. Лян Шу снова рукоятью отпихнул пошатнувшегося человека:

— Сиди.

— Благодарю вашу светлость. — Лю Сяньань ухватился за подлокотник. Он не совсем понимал, почему никто не предупредил его об отъезде, и что было еще более странно, неужели князь не приготовил другую повозку? Зачем ему тесниться здесь, и куда подевался его слуга?

Лян Шу не существовал в трёх тысячах путей Второго господина Лю, потому тот пребывал в замешательстве. Они просто сидели друг напротив друга в движущейся повозке, храня молчание. Лю Сяньань невольно вспомнил дядю и тётю, которые во время новогоднего ужина казались идеальной парой, но планировали разойтись, как только разделят семейное имущество.

Лян Шу не торопился. От Байхэ до гор Фуху было как минимум десять дней пути, и у него было предостаточно времени, чтобы не спеша развлечься.

Только из-за того, что собеседник болтал в чайной, он силой забрал его с собой. Подобное поведение сложно назвать хорошим, но Его высочество Сяо-ван с детства привык творить дурное. Те старцы с седыми бородами при дворе до сих пор с торжественно-скорбными лицами вспоминали былые времена, так что эта мелочь даже близко не входила в топ.

Погружённая в полумрак повозка двигалась дальше, покачиваясь и скрипя.

В этом гипнотическом окружении веки Лю Сяньаня вновь отяжелели, голова время от времени клонилась вперёд, всё тело покачивалось. Лян Шу взглянул в окно и, увидев, что едущая впереди повозка остановилась у придорожного чайного ларька, поднялся и вышел.

Кучер натянул поводья:

— Тпру-у-у!

Копыта замерли на месте, но повозка по инерции ещё дёрнулась вперёд. Лян Шу услышал изнутри ожидаемый бам, а затем звук, с которым человек ловил воздух.

— Ой, юноша! — Кучер поспешил помочь ему подняться. — Всё в порядке?

— Всё хорошо. — Лоб Лю Сяньаня был очень красным, и он не понимал, как умудрился растянуться в таком положении. Кучер помог ему выйти. — Юноша, выпейте здесь чашку чая и отдохните.

Лян Шу уже первым шагнул в чайный ларек. Увидев, что князь ушёл, слуга быстро подбежал и с изумлением спросил:

— Молодой господин, что с вашей головой?

— Нечаянно стукнулся. — Лю Сяньань окинул взглядом окрестности. Увидев, что на горной дороге стоят всего три повозки, а в ларьке не так уж много солдат, он спросил: — Только эти люди?

— Когда мы выезжали из города, их было куда больше. Потом разделились на разные маршруты, — ответил слуга. — Генерал Гао сказал, что князь не хочет лишнего шума, потому желает путешествовать неприметно.

Лю Сяньань спросил снова:

— Ты всё время был с генералом Гао, что ещё он говорил?

— Ничего больше, — честно ответил слуга. — После разговора о неприметности генерал Гао спросил, как меня зовут. Я ответил: «А-Нин». Он спросил, какой иероглиф. Я сказал: «Ничто не рождается, ничто не умирает, ничто не завершается — этот Нин». Молодой господин сам выбрал его для меня. И тогда генерал Гао больше не разговаривал.

Лю Сяньань потрепал его по голове:

— Если в следующий раз кто-то спросит, просто скажи, что это Нин от «спокойствия». Пойдём отдохнём.

Они выбрали чистые стулья и уселись. На столе уже стояли чай и еда. Естественно, на горном склоне не могло быть ничего изысканного: большой горшок грубого чая и кунжутные лепёшки твёрдые, как камень. Во время кампаний на Северо-Западе такая пища считалась армейским пайком, и Гао Линь давно к ней привык. Но он полагал, что богатому гунцзы вроде Лю Сяньаня будет невозможно это проглотить, и потому с любопытством посматривал на соседний стол.

Лю Сяньань и вправду не мог откусить, но не стал отбрасывать лепёшку. Вместо этого он отломил кусочек, обмакнул в чай и начал медленно жевать. Слуга последовал его примеру, ведя себя вежливо. Хозяин и слуга просто сидели в тени под пятнистым солнечным светом и ели две большие лепёшки.

Генерал Гао остолбенел и даже усомнился в пище деревни Байхэ. Он подумал, что, возможно, эти люди обычно жуют сухие лекарственные травы, потому могут есть что угодно без возражений.

Лян Шу тоже ошарашенно смотрел на них. Он вытащил этих людей, чтобы немного позабавиться, но теперь, когда забава исчезла, начал искать поводы для придирок:

— Разве этот князь говорил, что хочет здесь отдыхать?

Гао Линь чувствовал себя несправедливо обиженным. Изначально он планировал лишь выпить чаю и передохнуть. Кто настоял на еде и велел хозяину ларька приготовить кучу вчерашних лепёшек? В итоге Второй юноша Лю с удовольствием их съел.

Чтобы князь не продолжал придираться и создавать ещё больше проблем, Гао Линь сменил тему:

— Хотите переночевать в деревне Сяомянь? Я пошлю людей подготовиться заранее.

— Не нужно. — Лян Шу поставил чашку на стол. — Нам нужно спешить, переночуем где придётся.

Гао Линь: «.....»

Что значит «где придётся»? Кроме деревни Сяомянь, эта дорога была сплошь покрыта густыми лесами. Трудно было найти даже ровную поляну. Жевать твёрдые лепёшки, спать в лесу — такие методы издевательства можно сравнить разве что с проделками, во дворце ,четырёхлетнего сына старого Чжао. После избиения девочкой он выждал три дня и выдрал ей косу. Можно даже сказать, что он добился поразительного успеха.

Лян Шу посмотрел на него:

— О чём думаешь?

— Ни о чём, ни о чём не думаю. - испугавшись, покачал головой Гао Линь.

Закончив с кунжутными лепёшками, Лю Сяньань позволил слуге вытащить себя на прогулку для пищеварения. Они стояли рядом и массировали животы круговыми движениями. Гао Линь никогда не видел такого авторитетного оздоровительного ритуала и, подражая, сделал несколько кругов. А-Нин не сдержал хихиканья, Лю Сяньань тоже улыбнулся. Когда он улыбался, его облик становился замечательным.

— Хм, неудивительно, что принцесса настаивала на браке. - пробормотал Гао Линь.

Лян Шу не стал комментировать услышанное. Он шагнул из чайного ларька, вскочил на коня и скомандовал:

— Вперёд!

А-Нин помог Лю Сяньаню забраться в повозку. Он планировал сблизиться с генералом Гао и выпросить для молодого господина пони, чтобы тот мог размяться, а не только спать после еды.

Размышляя об этом, он обернулся и обнаружил, что Лю Сяньань уже нашёл позу для сна.

Для Второго господина Лю не имело особого значения, кто сидел в повозке — князь или А-Нин, ведь никто не мог помешать его грёзам. На этот раз он парил в небе, а не в пустоте, совершенно свободный и ничем не связанный.

Ему было очень комфортно, пока не наступили сумерки.

Повозка остановилась в глубине леса, где разожгли четыре или пять костров. Еда была лучше, чем в полдень. Стражи сходили на охоту в лес за фазанами, которые вскоре зарумянились и заалели на огне, издавая аппетитный аромат. Была ещё большая сумка кисло-сладких диких ягод.

Гао Линь принёс еду А-Нину. Видя, что тот в приподнятом настроении беспрестанно озирается, он спросил:

— Что высматриваешь?

— Лес. - ответил А-Нин.

Гао Линь усвоил урок после небесных писаний днём. Он не стал спрашивать про лес, а лишь вежливо кивнул, чтобы не опозорить дворец.

Лю Сяньань тоже смотрел на лес. Впервые он ночевал под открытым небом. Древние деревья были высоки и густы, лёгкий ветерок освежал. Пейзаж был столь же возвышен, как живописный свиток.

Мудрецы использовали красоту неба и земли, чтобы постичь истину всех вещей. Думается, эта ситуация должна быть схожей.

Он вздохнул, свободно укутавшись в одеяло, и почувствовал себя очень комфортно.

Гао Линь смутно ощутил, что план его князя вновь провалился.

Потому что этот молодой господин, похоже, вовсе не был недоволен ночёвкой в лесу. Напротив, он выглядел весьма комфортно.

Кто мог его в чём-то убедить?

Лян Шу сказал:

— Если продолжишь так трясти головой, я её откручу.

Шея Гао Линя немедленно застыла. Никаких трясок, никаких трясок.

Лян Шу снова закрыл глаза:

— Кто-то идёт.

Гао Линь перестал шутить и взял у стража длинный нож, обернувшись в указанную сторону. Спустя некоторое время в чаще действительно послышался шорох шагов и прерывистые стоны, полные мучительной боли. В дебрях ночного леса это звучало жутковато, почти как нашествие призраков.

А-Нин тихо спросил:

— Молодой господин, судя по этим голосам, кто-то ранен?

Лю Сяньань кивнул:

— Да.

Из леса с шорохом вышла группа людей. Они были одеты в одинаковые чёрные одеяния, должно быть, из какой-то охранной конторы или боевой секты. Четверо несли раненого на носилках. Человек, похожий на главу, почтительно поклонился Гао Линю:

— Брат, если возможно, позвольте нам остаться здесь на ночь. Мы действительно не можем найти подходящего места.

— Рядом есть поляна, располагайтесь. Только не тревожьте моего господина. — Видя, что на огне ещё осталась дичь, Гао Линь велел стражам поделиться. Охранник благодарно кланялся и отошёл разводить костёр. Он разорвал жаркое, добавил хлеба и воды, приготовив мясную пасту, затем накормил раненого несколькими ложками.

А-Нин вытянул шею, чтобы взглянуть:

— Он тяжело ранен.

Тело его было покрыто кровью, зрачки не фокусировались, а звук, исходивший из груди, напоминал работу кузнечных мехов. Закончив есть, охранники достали из поклажи лекарства, откупорили флакон и попытались сменить повязки.

Подул ветерок, и в воздухе повис слабый горьковато-сладкий аромат.

— Это яд. - неожиданно произнес Лю Сяньань.

Его голос не был ни громким, ни тихим.

Вокруг воцарилась внезапная тишина. Охранник тоже замер и с изумлением посмотрел на него.

Лян Шу слегка приподнял бровь:

— Яд?

<http://bllate.org/book/14628/1297846>